

Искать разумное объяснение
для всего существующего —
значит отрицать существова-
ние удивительного.

Плутарх. Застольные беседы.
V. 7. 1.

Василиск: имя и число

При знакомстве с описанием василиска в латинских бестиариях XII века выявляется странность следующего свойства. В тексте говорится о змее, а на иллюстрации представлено химерическое существо, наполовину рептилия, наполовину петух. Средневековые авторы расхождения не замечают. Существование химеры их не смущает. На это обстоятельство обратил внимание Лоуренс Брайнер¹, но объяснить несовпадение визуального и словесного образа не смог. Следовательно, дело не в бестиариях, которые лишь зафиксировали рождение гибридного существа. Когда и каким образом священная змейка превратилась в чудовище, состоящее из рептилии и петуха? Поиску ответа и посвящено настоящее исследование.

Я намерен показать, что змеепетух не имеет ничего общего с античным василиском, кроме имени. Это два разных существа. Если античный василиск — это ядовитая рептилия, то змеепетух — воображаемое существо, обитающее на страницах средневековых

бестиариев и порталах соборов. Известно время и место его появления — XI век, Германия.

На мой взгляд, в бестиариях отражен результат неких перемен не зоологического и не литературного характера. Большинство исследователей, интересовавшихся этим вопросом, за первоисточник принимают алхимический рецепт изготовления «порошка василиска», необходимого для трансмутации меди в золото. Согласно ремесленному трактату мастера Теофила (XI в.), процесс получения ингредиента управляем. Первая часть этого процесса выглядит как физиологическая и противоестественная. Спаривают старых петухов, снесенные ими яйца согревают жабы; из яиц появляются петушки с драконьими хвостами, которых помещают в медные сосуды и зарывают в землю на шесть месяцев, потом их сжигают, растирают, примешивают толику человеческой крови и добавляют уксус. Полученная смесь, нанесенная на медные пластинки, раскаленные на огне, превращает их в золотые. Очевидно, что речь идет о трансмутации металлов, где обретение «порошка василиска» представлено как физиологический акт. Это обычный для алхимиков прием сокрытия технического рецепта.

Рассказ о рождении алхимических василисков (змеепетухов) ни при каких условиях не мог перейти на страницы бестиариев, и не перешел. Доказательство тому налицо:

в средневековых бестиариях василиск соответствует его описанию в энциклопедии архиепископа Исидора Севильского (VII в.), и это — змея, а на миниатюрах, как уже сказано, видим петуха с драконьим хвостом. Авторитет Исидора Севильского удержал в неприкосновенности текст, но оказался бессилён перед лицом другого авторитета, навязавшего изображение змеепетуха вместо змеи. Кто обладал такой силой и влиянием?

Заявляя свое исследование как научную историю василиска, первой задачей я видел следующее: все скопище василисков следует разделить на самостоятельные единицы и дать им имена. Василиск Никандра Колофонского во всем отличен от василиска Плиния; а еще есть василиск Болоса, Элиана, Солина, Гор-Аполлона, Хильдегарды Бингенской, Гонория Августодунского и т. д. Неопределенное множество василисков можно упорядочить, то есть найти им место во времени и пространстве культуры, привязав их к сочинениям тех или иных авторов. На этом пути нас ждут непредвиденные ловушки. В нелинейном мире средневековой литературы возможны переходы в другие эпохи, застревание во времени, растворение в аллегории — все что угодно, только не эволюция образа. Примем во внимание парадоксальное правило. Внешний облик и свойства царя змей — условности (переменные величины), а имя — всё (неизменный знак).

Это редкий семиотический феномен. Поэтому перед тем, как ответить на вопрос, что за существо василиск, следует уточнить имя автора, пишущего о василиске. Разные авторы рассказывают о разных василисках. Так, например, Фульхерий Шартрский и Александр Неккам бесхитростно цитируют текст Солина (у этого василиска нет смертоносного взгляда). Храбан Мавр и анонимный автор Абердинского бестиария цитируют текст Исидора Севильского (у этого василиска есть смертоносный взгляд). А нелинейность проявила себя в миниатюре Абердинского бестиария, где вместо ожидаемой змеи мы видим змеепетуха.

Следующее наблюдение. В средневековых бестиариях представлен тот или иной василиск с опорой на один текст; чаще всего цитируют «Этимологии» Исидора Севильского. А в средневековых энциклопедиях, всевозможных «суммах» о природе вещей, видим портрет василиска, собранный механически из разных, иногда взаимоисключающих, фрагментов. При этом, как правило, автор энциклопедии указывает источник тех или иных дополнений. Ссылки на цитируемые тексты — одно из правил средневековой книжной культуры, унаследованное от античной науки. В современных мифологических словарях² ссылки на источники отсутствуют, что лишает словари научной и культурной ценности. Это просто груда бессмысленных посланий из ниоткуда в никуда, ворох

археологической пыли, закрывающей исторический горизонт, превращение сложного в примитивное, многомерного в плоское, загадочного в скуку. В таких словарях научная картина мира заменена каким-то суррогатом. Отказ разгадывать тайны истории или тайны природы означает отказ мыслить.

Каталог змей в сочинении Фульхерия Шартрского

До сих пор остается неясным, что заставило обитателей Европы в 1096 г. отложить повседневные дела и устремиться в поход на Иерусалим, пеший путь до которого составлял около года. Удивляет внезапность массового воодушевления и появление армии паломников, не имевших ни малейшего представления, где собственно расположена Палестина. В этом безголосом потоке были исключения. Пройдя путь паломников до конца, смысл происходящего попытался постичь малоизвестный священник Фульхерий Шартрский. Свои наблюдения и сомнения он изложил в сочинении под названием «Иерусалимская история». Нас интересуют заключительные главы этого труда, поскольку в них заходит речь о василиске и других змеях.

Напомню кратко сведения об авторе. Фульхерий Шартрский — участник ключевых событий Первого крестового похода, он был капелланом Балдуина I, короля Иерусалима, около тридцати лет наблюдал за перипетиями исторической драмы и в конечном счете,

видимо, разочаровался в итогах безумной эпопеи, что придает его повествованию загадочный смысл.

В третьей, заключительной книге «Иерусалимской истории» есть глава под названием «О разновидностях змей». Начинается она с описания василиска, которое заимствовано из сочинения римского писателя Гая Юлия Солина (IV в.). Возможно, крестоносцы и видели каких-то змей в пустынных местностях от Мертвого моря до Евфрата, но об этом у Фульхерия Шартрского не сказано ни слова. Может быть, рыцари слышали что-либо о василисках, прячущихся в каменистых кручах, окружающих долину Иордана? Исключено. Спрашивается, зачем историку крестового похода понадобился натуралистический экскурс о змеях из «Собрания достопамятных сведений» Солина?

Независимо от того, каким будет ответ на этот вопрос, извлечения Фульхерия из сочинения Солина документируют два факта в литературной истории василиска. Первый факт: позднеимперский образ царя змей без каких-либо изменений дожил до начала XII века. Опыты франкского теолога Храбана Мавра (ок. 780–856) по аллегорическому уподоблению василиска дьяволу^а не в счет. Василиск

^а «Василиск означает дьявола, который ядом своих гнусностей открыто убивает беспечных и неосмотрительных» (*Храбан Мавр. О Вселенной. Гл. 3: О змеях. Col. 231*).

как был, так и остался крайне ядовитой змеей. И второй факт. Фульхерий не сомневается в достоверности рассказов Солина. Перепроверять или исправлять текст римского писателя историк крестового похода не намерен. Для описания границ мира, отделяющих освоенное пространство от гибельного и враждебного, достаточно было освященных традицией сведений о нильских крокодилах, эфиопских драконах, гирканских пантерах и тиграх, скифских грифонах и индийской мантикоре, обожающей человеческое мясо.

Все это природное многообразие призвано проиллюстрировать нехитрую мысль о том, что в силу божественного замысла области мира разделены, между ними существуют различия и непреодолимые препятствия. «Однако кому по силам в столь великом и обширном море [жизни], в котором обитает столько животных и рептилий, коим нет числа, познать и изучить все чудесные деяния Господни?» — вопрошает Фульхерий, — «Все это я, как сумел, позаимствовал у Солина, у мудрейшего исследователя и весьма сведущего рассказчика. Но то, что Александр Великий обнаружил и увидел в Индии, я расскажу позднее, и если не все, то хотя бы частично» (*Фульхерий Шартрский*. III. 49. 17).

Познавательный опыт крестоносцев был куда скромнее, чем открытие миров легендарным Александром. Тем не менее, в результате завоеваний крестоносцы достигли иных природных и культурных пределов. Это об-

стоятельство вполне осознавалось. «По причине разделения земель существует также и различие в делах и обычаях, — отмечает Фульхерий. — Одни установления приняты во Франции, другие — в Англии, третьи — в Египте или Индии. Кроме того, эти страны различаются видами птиц, рыб, равно как и деревьев. Я никогда не видел в Палестине китов или миног, сорок или малиновок. Однако здесь водятся онагры, дикобразы, а также гиена, которая раскапывает могилы умерших. Среди деревьев я не встречал здесь ни тополя, ни тиса, ни ореховых кустов, ни бузины, ни иглицы, ни клена. Совсем недавно близ Неаполя мы видели одно животное, название которого никто не знал и не слышал» (Фульхерий Шартрский. III. 48. 1–2; 49. 1).

Так зачем же понадобился экскурс о змеях? Для космографического описания пределов мира, неведомых крестоносцам и их вождям. На языке символов прозвучало предупреждение об опасности расширения границ. И структура сочинения демонстрирует эту мысль.

«Иерусалимская история» состоит из трех книг. В первой повествуется о крестовом походе и взятии Иерусалима. Вторая книга посвящена значимым для крестоносцев событиям (расширению границ Иерусалимского королевства Балдуином I, битвах и осадах); географии и достопримечательностям Святой земли (рассказывается о Мертвом море, Субботней реке и Иордане, водных источниках

у горы Панейон, содомских яблоках) — все это заимствовано из «Иудейской войны» Иосифа Флавия и выглядит как присвоение чужого наследства. Особое внимание Фульхерий уделяет небесным знамениям. Астральных знаков было множество: крестоносцы видели три кометы, полет крупных метеоров, аномальные свечения, уменьшение Солнца, неурочные затмения и полярное сияние. Это были устрашающие знамения, смысл которых до конца не раскрыт. Третья книга продолжает рассказ о сражениях и поражениях нового иерусалимского короля — Балдуина II. Композиционно же Фульхерий переходит от деяний крестоносцев к деяниям Бога. Так хроника крестового похода превращается в историю Иерусалимского королевства, а завершается повествование космографическим размышлением о пределах мира. Иерусалим — город-знак, город-храм — требовал футурологического разъяснения грядущих событий.

С неизбежностью встал вопрос, стоит ли и дальше стремиться к раздвижению границ. В теологическом аспекте после обретения Иерусалима любое продвижение от сакрального центра к периферии влекло на пути в бездну ада. Расширение земных владений приблизилось к опасной черте. За линией плоского горизонта Фульхерий прозревает вертикальный разлом. Описание нашествия крестов на Палестину в 1127 г. — последний эпизод тридцатилетних размышлений Фуль-

херия над событиями в Святой земле — звучит как предостережение либо как приговор крестоносному проекту.

«О чуме, [вызванной нашествием] крыс. В год 1127-й от Рождества Господня, в 5-й индикт, в Палестине появилось такое превеликое множество крыс, что они, набросившись на круп одного быка, удавили и съели его, и вместе с ним пожрали еще семь баранов. После того, как они почти полностью разорили окрестности Аккона, то в поисках воды поднялись в горы в окрестностях Тира. Налетевший губительный ветер и жестокий смерч низверг эти бесчисленные тысячи обратно в долину. Из-за гниения их трупов эта область пребывала смертельно зараженной» (Фульхерий Шартрский. III. 62).

Фульхерий Шартрский — малоодаренный писатель, но добросовестный историк. Его простой и ясный стиль подходит для отображения тревожной повседневности крестоносного государства. Для прогнозов же требовался язык метафор, которым священник не владел. Выход был найден: без каких-либо разъяснений в событийное повествование о замыслах крестоносцев вставляются красочные описания мифических существ — мантикоры и василиска. Подвижные границы Иерусалимского королевства соприкасаются с воображаемым пространством запретных миров.

Таков контекст включения в третью книгу «Иерусалимской истории» экскурса о змеях,

который теперь не должен казаться чужеродной вставкой. Напоминаю, это одна из заключительных глав хроники, завершающая многолетние наблюдения и размышления о судьбе Иерусалимского королевства. К чему здесь чужой рассказ о змеях, к чему отталкивающие подробности о ядовитых тварях, к чему превращение античных дикушинок в нечто устрашающе отрешенное? Полагаю, это прозрение о пределах мира, к которым не стоит приближаться и в мыслях. Рассказ о змеях — это конец книги, конец истории и начало царства смерти.

«Василиск достигает длины в полфута; голова у него перехвачена белой, как митра, лентой. Он создан не только на погибель людям и животным, но и самой земле, которую отравляет и выжигает. Где бы он ни побывал, он оставляет это место безжизненным, истребляя траву и уничтожая деревья. От него в воздухе такое зловоние, что ни одна птица не может пролететь там без вреда для себя, не отравившись ядовитыми испарениями. Когда василиск двигается, половина его тела ползет, а другая половина вздыблена и высоко поднята. Даже змеи приходят в ужас от его шипения. Спасаясь от него, они спешат изо всех сил. Погибших от его укуса ни зверь не ест, ни птица не касается. Однако с ним по силам справиться ласкам, которых люди запускают в норы, где скрывается василиск. Пергамцы оценивали останки василиска в целый сестерций; [они использовали их для

того], дабы замечательный храм, украшенный рукой Апеллеса, ни пауки не оплетали паутиной, ни птицы не залетали в него^a.

У *амфисбены* две головы, одна из которых находится на хвосте. *Керасты* имеют четыре рога. Старательно спрятав все тело в песках, они выдают эти рожки за корм, дабы приманить и схватить пугливых птиц^b. *Геморрой* укусом выпускает кровь. Через размягчившиеся вены с кровью выходит и жизнь^c. Тот, кого ужалил *престер*, опухает и погибает от непомерной тучности; за опухолью обычно начинается гниение^d.

Существуют также *аммодиты*, *кенхрисы*, *элефантии*, *херсидры*^e, *хамедраконты*. В общем,

^a *Solinus. Collectanea rerum memorabilium. 27. 51–53.*

^b *Ibid. 27. 28–29.*

^c «Геморроем зовется ядовитая змея, укусы которой вызывает кровавый пот, так что через размягченные вены с кровью выходит и остаток жизни» (*Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX. Ed. Lindsay W. M. Oxford, 1911. XII. 4. 15. (Пер. А. Слёзкина).*

^d *Исидор Севильский. Этимологии. XII. 4. 16.*

^e Там же. XII. 4. 26–39. Среди ливийских способов смерти, поджидавших легионеров в пустыне, Лукан называет укусы двух змей — хелидра и земноводного херсидра:

«В Сиртах рожден, в их равнинах живет и херсидр земноводный,

Также хелидр, что ползет, дымящийся след оставляя» (*Лукан. Фарсалия. IX. 710–711*).

В «Этимологиях» Исидора Севильского (XII. 4. 24) обе змеи сливаются в одну фигуру: «Хелидр —

сколько названий змей, столько же и видов смертей.

Скорпионы, сцинки, лакерты относятся к червям, а не к змеям³. Когда эти чудища шипят, они не так опасны. Они едва ли выказывают какие-либо чувства, если только не направляются к самкам. Есть еще *якули*, которые бросаются на любое животное, волей судьбы попавшееся им навстречу^а.

Сциталы отличаются такой пестротой красок на спине, что изяществом рисунка отвлекают тех, кто смотрит на них^б. [Яд] *дипсады* умертвляет жаждой^с. [Яд] *гипнала* убивает

змея, называемая еще „херсидр“, так как обитает и в воде, и на суше. Ведь греки называют „землю“ *χερσον*, а „воду“ *υδωρ*. Эта змея заставляет дымиться землю, по которой ползет, что такими словами описывает Эмилий Марк: „Либо пенящаяся кожа испускает яд, / Либо дымится земля, по которой ползет / Отвратительный змей“» (*Исидор Севильский*. XII. 4. 24). Неудачные опыты Исидора Севильского следует отвергнуть, потому что у его предшественников речь идет о разных змеях. Хелидр имеет отличительную особенность — ядовитую кожу. Что же касается херсидра, то это одна из земноводных змей.

^а «Они взбираются на деревья, и, когда какое-нибудь животное попадает им навстречу, бросаются сверху и убивают его; по этой причине они и названы *якули*» (*Isidori*. XII, 4, 29. Пер. А. Слёзки-на); *jaculum* — бросок, метание, дротик.

^б *Исидор Севильский*. Этимологии. XII. 4. 19.

^с «Ее [дипсады] яд обезвоживает быстрее, чем это начинает чувствоваться, так что в преддверии смерти лицо умирающего [не успевает] стать угрюмым» (*Isidori*. XII. 4. 32. Пер. А. Слёзкина).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru